

НАШ СОВРЕМЕНИК ЧЕХОВ

*Е.И. ПРОНИН,
Е.Е. ПРОНИНА*

Антиномии честного разума, или Самотрансценденция по А. Чехову

Неожиданная интернет-статистика: на фамилию “Чехов” в поисковой системе Yandex нашлось 12 млн страниц, на “Лев Толстой” – 11 млн, на “Достоевский” – 7 млн. По количеству страниц в поисковой системе А. Чехова опережает только А. Пушкин – 13 млн страниц. Таково внимание наших современников к творчеству и жизни Чехова. Возможно, в свое время его популярность была меньше, чем слава Л. Толстого или Ф. Достоевского, да и рассказы считались более “легким” жанром, чем романы. Однако пьесы Чехова и сегодня идут на сценических площадках мира, появляются все новые экранизации чеховских произведений, критики спорят о верности интерпретаций, а биографы, отражая интерес публики, пишут все более подробные жизнеописания. Одно из последних – “Жизнь Антона Чехова” Д. Рейфилда – поистине впечатляющий фолиант, насчитывающий около 800 страниц [Рейфилд, 2008].

Чехов – и как человек и как писатель – по-прежнему удивляет и потрясает своих читателей, хотя давно отшумели и ушли в далекое прошлое социальные проблемы того времени и связанные с ними “проклятые вопросы”. Почему интерес к Чехову не пропадает? Может быть потому, что мы так и не поняли по-настоящему и не приняли того, что он хотел сказать. Горечь прозрения, безжалостность последнего понимания, жесткость прямого взгляда, свойственные писателю, мы не можем вынести и сегодня, хотя в условиях криминальных войн, терроризма, нравственного беспредела нас не удивить жестокостью жизни. Fiction, фильмы, репортажи, компьютерные игры полны сцен насилия и грубой прямолинейности. Нас это уже не трогает. Но мы пытаемся во что бы то ни стало смягчить и подкрасить картину мира, представляемую Чеховым, отыскивая “оптимизм” и “свет в конце тоннеля” именно в самых безнадежных и трагикомических словах и поступках его героев.

Во времена социалистического оптимизма считалось, что слова “Мы увидим небо в алмазах!” – обещание грядущего социального рая, хотя, думается, это больше похоже на отчаянную попытку заглушить боль, как делают матери, успокаивая плачущих детей неисполнимыми обещаниями, или знахарки, заговаривающие боль заклинаниями. Нас убеждали, что “вечный студент”, великовозрастный неудачник Петя Трофимов из “Вишневого сада” – прообраз человека будущего (возможно, революционера!),

Пронин Евгений Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Пронина Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры практической психологии Московского института открытого образования.

а его пафосная речь “Вся Россия наш сад!” – пророчество о прекрасном будущем, которое построят эта талантливая молодежь.

Надежды на благостность социального переустройства давно смыты бурями XX в., а поиск “хеппи-энда”, “светлого пути” в чеховских произведениях продолжается, и порой весьма неожиданно. В сезоне 2009–2010 гг. в знаменитом МХТ им. А.П. Чехова состоялась премьера – новая постановка пьесы Чехова “Иванов” в сценической версии театра. Постановка почти академическая. Текст вполне узнаваем. Актеры, к счастью, не изображают ни обитателей колонии-поселения, ни инопланетян. Они одеты в костюмы, соответствующие концу XIX в., не вставляют нецензурных слов и непристойных жестов и ведут себя достаточно прилично. Такого рода “завлекалки” для зрителей практически отсутствуют, если не считать первой сцены, где невеста главного героя демонстрирует исподнюю часть подвенечного наряда¹. Столь необычный ракурс, видимо, должен был скрасить для зрителей скуку занудных жалоб Иванова, подчеркнуть грубую материальность жизни и заставить внимательнее смотреть постановку в ожидании дальнейших “разоблачений”. Не в счет и вовсе элементарное хулиганство (надо полагать, также призванное подчеркнуть грубость жизни), когда один из персонажей справляет малую нужду здесь же в саду у столбика ограды. Короче, постановка почти “пуританская”.

“Находка” в другом. Спектакль поставлен от конца к началу, от самоубийства героя к желанию трудиться, когда герой в последней сцене, засучив рукава, берется за огромное бревно, расчищая свой сад. Правда, у Чехова такой сцены нет, но так как она идет без слов, вряд ли можно сильно упрекать постановщиков в отсебятине. Зачем нужна была такая перекройка сюжета, становится ясно, когда в заключение поднимается занавес для поклонов, и мы видим, что дело Иванова “живет и побеждает”: бревно, поднятое им, не брошено на полпути, а прислонено к куче таких же в центре сада. Таким образом, в итоге герой вовсе не терпит крах и не кончает самоубийством, как следовало из традиционной последовательности действий, а напротив, начинает новую жизнь! Тучи рассеялись, гроза прошла стороной! Начался субботник по уборке сада.

И все-таки – в чем же секрет Чехова, неотразимо притягивающего нас, но и не принимаемого нами по-настоящему? Почему чеховские образы так влекут нас и почему мы так стремимся их “исправить”? Не потому ли, что Чехов открыл нечто действительно непостижимое и враждебное для “рутинного тиканья обыденного ума”, как однажды выразился В. Пелевин, характеризуя привычную колею повседневного мышления [Пелевин, 2000^б, с. 112]. Это открытие ценно само по себе безотносительно к конкретным социальным проблемам и “проклятым вопросам”. Оно касалось онтологического, экзистенциального уровня человеческого существования в значительно большей степени, чем самые животрепещущие социальные драмы. То была новая степень сознания и мышления, новое видение мира и новый способ быть в мире².

Реальность у Чехова – непредсказуемый перевертыш, она всегда оказывается иной, чем кажется с первого взгляда, всегда разочаровывает, сбивает с толку, разрушает планы, не выполняет обещаний. Абсолютно все под пристальным взглядом писателя обращается в свою противоположность, оставляя после себя горечь и пустоту. Подвижничество скрывает самодовольство и черствость (Лидия Волчанинова из рассказа “Дом с мезонином”), домашний уют – узколобый бессмысленный практицизм (Маша Шелестова из “Учителя словесности”), разочарованность – эгоизм (Иванов из одноименной пьесы), жажда справедливости – самолюбование и неспособность понимать других (доктор Львов из пьесы “Иванов”), пошлый адюльтер – настоящую

¹ Знающих сюжет просьба не удивляться: разгадка в следующем абзаце.

² В XX в. М. Бахтин на примере поэтики Достоевского показал, что творчество одного писателя может поднять на новый уровень художественное мышление человечества [Бахтин, 1963]. Однако художественное мышление – это форпост и первая верификация психической модели реальности в целом. Поэтому новая форма художественного мышления предвещает рождение новой парадигмы мышления как очередного этапа эволюции психики [Пронин, Пронина, 2005].

любовь (“Дама с собачкой”) и так далее. В этом правиле нет исключений. Для Чехова мир *всегда* не таков, каким *должен* был бы быть, а надежды *никогда* не оправдываются. Именно это сознание *априорной* иллюзорности всех убеждений, надежд и жизненных планов настолько невыносимо для обыденного ума, что человек часто готов принять любую “грубую правду” жизни, любые идеологические уловки и самые мрачные и грязные измышления относительно человеческой природы и мира, лишь бы не видеть того факта, что мир *никогда* не соответствует ожиданиям, а значит, все замыслы и чаяния бессмысленны.

Открытие Чехова не было случайным или лично обусловленным. То был закономерный этап в общей эволюции человеческого сознания, культуры и цивилизации в целом. Горькое сомнение в том, что мир устроен целесообразно и жизнь человека зависит от него самого, постепенно проникало в сознание людей. Позднее, уже накануне Второй мировой войны, Ж.-П. Сартр в своих очерках даже сформулировал тезис о том, что мир – это “универсальное не то”, полное отсутствие чего-либо соответствующего человеческим ожиданиям, образам и понятиям. Реальность, писал Сартр, “всегда сопровождается крахом воображаемого, даже если между ними нет конкретных противоречий, ибо их несомнимость проистекает из их природы, а не из их содержаний” [Sartre, 1936, p. 188]. Речь шла не о том, комментирует эти взгляды философ Э. Соловьев, что некоторые конструкции человеческого сознания могут быть иллюзиями. Речь идет о том, что сознание *от начала и до конца иллюзорно*, что “горечь”, “нечаянность” – неотъемлемый атрибут истины [Соловьев, 1974, с. 233].

Новый уровень сознания, новый строй мышления, обусловлен и исторически – жестокими социальными катаклизмами XX в., и психологически – объективным развитием познавательных способностей человека, и прагматически – как средство решения проблем неотвратимо приближающегося будущего. Это сыграло такую же роль в преодолении духовного кризиса и уврачевании глобальной психологической травмы, нанесенной человечеству тоталитарными режимами и массовыми убийствами, как и открытие пенициллина в уврачевании телесных ран Второй мировой войны. Не случайно также, что Ж.-П. Сартр и А. Камю, великие писатели XX в. и крупнейшие представители зрелого экзистенциализма, стали участниками и идеологами движения Спротивления, которое поначалу многим представлялось бессмысленным самопожертвованием без всякой надежды на успех. Античеловеческой реальности экзистенциализм противопоставил индивидуальное мужество человека следовать своим принципам, несмотря на горечь, отчаяние и безнадежность, и оказалось, что это была единственно возможная стратегия жизни и победы в безвыходной ситуации.

В обратном свете духовных исканий и потрясений XX в. становится очевидным, что Чехов предвосхитил безмерную “горечь” бытия, не отвечающего человеческим чаяниям, и продемонстрировал мужество личного противостояния стихии социальной жизни еще в преддверии этих испытаний. Он первым увидел мир бестрепетным и трезвым взглядом врача-диагноста, увидел таким, каким он вскоре явился всем в заре революции и мировых войн – антиномичным³, стихийно-неуправляемым, без-

³ Антиномия (от греч. *anti...* и *nomos* – закон; буквально – противоречие в законе), противоречие между двумя положениями, каждое из которых в равной степени истинно, то есть одинаково логически доказуемо, и потому не может быть отвергнуто. Термин “антиномия” ввел в 1613 г. Р. Гоклениус.

Много внимания уделял этому феномену И. Кант. В “Критике чистого разума” он рассматривал антиномию как результат несоответствия трансцендентального предмета мышления применяемым “инструментам” познания [Кант, 1994]. С этой точки зрения, появление антиномий – признак выхода разума на уровень глубочайших сущностей (например, антиномия: “электрон-волна”, “электрон-частица”), а также показатель необходимости развития, дальнейшего совершенствования инструментов познания (то есть самого мышления). Появление антиномий в социальной практике (например, антиномия: “ядерная угроза существованию человечества”, “ядерное сдерживание равновесием страха”) – свидетельство необходимости перехода общества на более сложный уровень функционирования, личности – на более высокий уровень саморегуляции. В онтологической сфере (в сфере представлений о смысле и цели жизни) осознание антиномий вызвано эволюцией “разрешающих способностей” разума в понимании человеком самого себя и своего места в мире и социуме (описание эволюции парадигм мышления см. [Пронина, 2003]). Осознание антиномий чело-

жалостным к судьбам людей, лишенным той “богоустроенности”, предсказуемости, упорядоченности и “понятности”, что обеспечивает ощущение безопасности и осмысленности жизни. Ничто ранее в сознании и опыте человека не соответствовало масштабу грядущих духовных и социальных потрясений. И только по-чеховски полный, бескомпромиссный отказ от иллюзий оставлял шанс на сохранение независимого мышления и свободы духа, когда тотальная пропаганда, соединившись с тотальным террором, обольстила, подчинила и столкнула огромные массы людей.

Можно долго мучиться вопросом, почему все усилия, благородные устремления, плоды кипучей деятельности центральных героев Чехова – Иванова (“Иванов”), доктора Астрова, дяди Вани (“Дядя Ваня”), учителя Никитина (“Учитель словесности”) и многих других персонажей, как и их реальных прототипов, умных и совестливых людей, – пропали втуне, не помешали свершиться непоправимому. Можно искать причину в их личных особенностях и недостатках (слабые, безвольные) или в сложившихся обстоятельствах, социальной ситуации (“среда заела”), но и то и другое, с точки зрения Чехова, ложное объяснение, всего лишь иллюзия. Слова добряка Лебедева, растерянно обращенные к Иванову: “Знаешь что? Тебя, брат, среда заела”, – в контексте пьесы звучат как пошлость или злая насмешка. Неудивительно, что Иванов отвечает ему с явной досадой: “Глупо, Паша, и старо” (<http://ilibrary.ru/text/964/p.3/index.html>)⁴. На самом деле ни одно из имевшихся объяснений не годилось, как не годятся и современные попытки оправдать или обвинить героев Чехова. Дело в том, что традиционный вопрос о причинах и связанный с ним вопрос о вине вообще лишен смысла на том уровне отражения и понимания реальности, который открылся Чехову, но так и остался чуждым обыденному мышлению.

Владея сегодня знаниями из квантовой физики и синергетики, можно было бы сказать, что законы линейной причинности (так называемый лапласовский детерминизм, согласно которому каждое явление жестко определено единственной причиной, и каждая причина имеет только одно следствие) в действительности обладают очень ограниченной сферой действия, применимы к сравнительно коротким отрезкам причинно-следственных отношений и не могут быть использованы для объяснения целостных процессов сложных систем – саморазвивающихся, кибернетических, статистических, рефлексивных (к которым как раз относятся социум и человек). Переход науки к более сложным объектам, как отмечают современные исследователи, обнаруживает множество иных зависимостей: функциональных, структурных, целевых, коррелятивных и т.д. Сегодня в обиход исследователей включаются такие понятия, как “разветвленная цепь причинения”, “обратные связи”, “кумулятивная причинность”, “динамическая и статистическая причинность”, “вероятностная причинность”, “системная причинность”, “целевая причинность” и т.д. (см., например [Степин, Медведева]). Примечательно, что новые виды причинности не сразу признавались даже крупнейшими учеными XX в. Достаточно вспомнить споры вокруг понятия причинности между Н. Бором и А. Эйнштейном в эпоху разработки квантовой механики. Эйнштейн, в

веческой жизни (в том числе неразрешимых противоречий социального существования) переживается как неожиданное, невольное “прозрение”, сопровождается отказом от иллюзий (или, по Канту, “односторонних видимостей”), травмогенным разрушением прежней картины мира и с необходимостью требует практического разрешения в собственном опыте и существовании индивида пусть даже ценою стресса, риска, а то и жизни. Таким образом, осознание антиномий крайне болезненно и возможно только при *безусловной честности* самосознания. В противном случае происходят возврат к иллюзиям и стагнация. Разрешение антиномии сопровождается переходом системы (общества, человека) в качественно новое состояние.

Критические фазы развития общества и личности сопровождаются превращением фундаментальных понятий и ценностей в антиномии и их критической поляризацией. Уровня антиномии, например, достигли в настоящее время такие основополагающие ценности современного общества, как: “права человека”, “свобода слова”, “свобода самовыражения” и проч. Свидетельством тому служат размах террористической активности, превращение “свободной” прессы в высокотехнологичный инструмент манипулирования общественным мнением, беспомощность правовой системы, ухудшение криминальной обстановки и нарастающее недовольство общества таким положением.

⁴Здесь и далее произведения Чехова цитируются по интернет-источникам.

частности, полагал, что вероятностная причинность подрывает идею детерминизма (“Бог не играет в кости”) [Степин].

Чехов ничего не знал об этом, квантовой механики при нем не было и в помине, однако он наблюдал несостоятельность простой линейной причинности *непосредственно в жизни* и сумел описать этот феномен как *экзистенциальный* задолго до открытий молекулярной физики. Художественное восприятие реальности опережает научное в предвосхищении и освоении новых форм мышления. В чеховских произведениях картина мира изменилась раньше, чем в космогонических теориях ученых. Характеризуя своего героя, Чехов писал: “Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян... Но едва дожил он до 30–35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку... *Он ищет причин вне и не находит; начинает искать внутри себя и находит одно только неопределенное чувство вины*” (курсив наш. – Е.П., Е.П.) (цит. по [Гродская... 1978, с. 378]).

Отсутствие или иллюзорность локальных, поддающихся описанию причин, – один из центральных моментов чеховской картины мира. Ведь Чехов уже перешел на тот уровень понимания жизни, человека и общества, когда они предстают в виде сложных стохастических систем, выходящих за рамки линейной причинности. Переходу на новый уровень восприятия реальности несомненно способствовала близость спонтанного фазового перехода общества в новое состояние, что привело в действие мощные самоуправляемые процессы. Перед лицом этих процессов, не имея возможности воздействовать на ситуацию, понимая, что все попытки что-либо изменить по существу бессмысленны, герои Чехова испытывают полную беспомощность и растерянность.

“Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья; им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках. Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали все в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих... Потом они долго советовались, говорили о том, как избавиться себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться подолгу. Как освободиться от этих невыносимых пут?

– Как? Как? – спрашивал он, хватая себя за голову. – Как?

И казалось, что еще немного – и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается” (курсив наш. – Е.П., Е.П.) (<http://public-library.narod.ru/Chekhov.Anton/dama.html>).

Пытаясь изменить ситуацию, разрешить невыносимое напряжение, одни начинают кипучую деятельность (Полознев “Моя жизнь”, Астров “Дядя Ваня”, Ольга “Три сестры”), другие, закрыв на все глаза, следуют своим влечениям (Раневская “Вишневый сад”, Иванов “Иванов”), третьи впадают в отчаяние (Треплев “Чайка”), четвертые служат неким идеалам (Заречная “Чайка”, Петя “Вишневый сад”), пятые погружаются в состояние духовного онемения (Старцев “Июнь”, Чебутыкин “Три сестры”), но результатом всегда оказывается горечь разочарования и ощущение собственной несостоятельности, как если бы движение в любом направлении приводило в одну и ту же точку или вообще совершалось на месте. Что было бы, например, если бы Гуров перестал обманывать жену, а любимая им женщина – своего мужа? Разве это принесло бы хоть кому-то удовлетворение, счастье или изменило бы соотношение добра и зла в мире?

События, послужившие канвой рассказа “Дама с собачкой”, как и сюжеты многих других произведений, ничем особо не примечательны, банально-обыденны. Все это много раз слышано и видно – обычная “проза жизни”. Только вдруг становится ясно, что ничто не является таким непреодолимым, как рутинная обыденности, таким

тягостным, как повседневные заботы, таким зыбким, как завтрашний день, и таким несбыточным, как простое человеческое счастье. Это уже не просто грусть, а “метафизическая тоска” о несбыточном. Возможно, к этому ощущению пришел впоследствии Сартр, когда говорил, что тоска – самое глубокое и адекватное переживание человеком своего положения в мире и “именно в тоске человек осознает свою свободу...” (цит. по [Соловьев, 1974, с. 237]).

По сути, каждое чеховское произведение – разоблачение очередной иллюзии. Чехов последовательно рассматривает все, что предлагается в качестве руководства в жизни здравым смыслом (“Злоумышленник”), житейской мудростью (“Ионыч”), народной традицией (“В овраге”), философией (“Черный монах”), “передовой мыслью” (“Пьеса без названия”), гуманизмом (“Палата № 6”), любовью (“Драма на охоте”), нравственностью (“Дуэль”)... И ничто не выдерживает проверки, обращаясь в прах в бестрепетном свете честного разума.

И социальный, и экзистенциальный, и нравственный проекты оказываются равно несостоятельными. В первую очередь рушится социальная надежда на способность образованных и честных людей оздоровить общественную жизнь. Эта надежда в свое время породила особое, чисто русское понятие – интеллигенция, впитавшее в себя все чаяния общества о справедливости и обновлении. Можно утверждать, что никто не ставил интеллигентность выше, чем Чехов. Многие из его высказываний на эту тему: “В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли” (“Дядя Ваня”), “Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой” (“Дом с мезонином”) и др., – превратились “в крылатые слова” и стали азбукой поведения культурного человека.

И сам Чехов – не только писатель-гуманист, но и земский врач, воспринимается нами как лучший образец, реальное воплощение абсолютного интеллигента, “до мозга костей”. В его лице понятие интеллигенции достигло своего предельного выражения. Он обрел ту степень личной свободы и духовной независимости, которая составляет основу данного понятия в русской ментальности, и сам проделал путь, описанный им в письме к А. Суворину как сюжет для небольшого рассказа: “молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям... выдавливает из себя по каплям раба и... проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая” (<http://krylslova.ru/index.php?a=term&d=1&t=3766>).

И несмотря на это, именно Чехов показал абсолютную несостоятельность интеллигенции в реальности. Пьеса “Иванов”, первая, увидевшая свет рампы, оказалась многим современникам злой пародией, пасквилем на интеллигенцию, “лишних людей”, интеллектуалов, властителей дум. Вот ряд выражений критика П. Кичеева, писавшего о пьесе: “глубоко безнравственная, нагло-циническая путаница понятий”, “циническая дребедень”, автор – “бесшабашный клеветник на идеалы своего времени”, герой – “негодяй, попирающий все, и божеские, и человеческие законы” (цит. по [Рейфилд, 2008, с. 203]). Монологи Иванова – это бесконечные жалобы и вопли о помощи загнанного в угол человека, обладающего всеми качествами представителя интеллигенции – бескорыстием, честностью, человеколюбием, умом, и оказавшегося не в силах реализовать ни один из своих талантов, ни один из своих жизненных проектов, совершающего подлые поступки как бы поневоле:

«Нехороший, жалкий и ничтожный я человек. Надо быть тоже жалким, истасканным, испитым, как Паша, чтобы еще любить меня и уважать. Как я себя презираю, боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли... Не слушаются ни мозг, ни руки, ни ноги. Имение идет прахом, леса трещат под топором. (Плачет.) Земля моя глядит на меня, как сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожит от страха перед завтрашним днем... А история с Саррой? Клялся в вечной любви, пророчил счастье, открывал перед ее глазами будущее, какое ей не снилось даже во сне. Она поверила. Во все пять лет я видел только, как она уга-

сала под тяжестью своих жертв, как изнемогала в борьбе с совестью, но, видит бог, ни косога взгляда на меня, ни слова упрека!.. И что же? Я разлюбил ее... Как? Почему? За что? Не понимаю. Вот она страдает, дни ее сочны, а я, как последний трус, бегу от ее бледного лица, впалой груди, умоляющих глаз... Стыдно, стыдно!

Сашу, девочку, трогают мои несчастья. Она мне, почти старику, объясняется в любви, а я пьянею, забываю про все на свете, обвороженный, как музыкой, и кричу: “Новая жизнь! счастье!” А на другой день верю в эту жизнь и в счастье так же мало, как в домового... Что же со мною? В какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мне эта слабость? Что стало с моими нервами? Стоит только больной жене уколоть мое самолюбие, или не угодит прислуга, или ружье даст осечку, как я становлюсь груб, зол и не похож на себя... Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто хоть пулю в лоб!..» (<http://ilibrary.ru/text/964/p.3/index.html>).

Если бы не эта ясность и честность самодиагноза, мы могли бы надеяться, что перед нами кто-то другой, не тот типаж, что был “властелем дум”, идеалом целого поколения. Может быть, это все же плут, мошенник, сластолюбец, каким считает его доктор Львов? Ведь поступки его именно таковы. Но бесспорная, предельная правда написанного им автопортрета свидетельствует – это он! Никто больше не смог бы так безжалостно и честно судить себя. Никто больше не вынес бы себе столь бескомпромиссный приговор. Но это все, на что он еще способен. Глубокая психологическая достоверность образа, почти история болезни, подтверждает правоту писателя.

Но если интеллигентный человек оказался несостоятельным, слабым в единоробстве с обстоятельствами, не смог найти смысла в жизни, то, возможно, это удалось состоявшемуся человеку? В рассказе “Скучная история” перед нами герой, не только щедро одаренный талантами, умом, честью и благородством, но и сумевший их реализовать на благо людям, получивший за свою деятельность заслуженное общественное признание. Это человек, в отличие от Иванова и огромного большинства обычных людей, достигший зрелой глубины и цельности, настоящий “мудрец” и в буквальном, и в архетипическом значении этого слова. Вся его жизнь – образец для подражания, а он сам – безусловный “гуру”, говоря современным языком. Казалось бы, кто же, как не он, должен быть доволен своей жизнью и знать ее истинный смысл. И действительно, его самонаблюдения глубоки и предельно честны, как наблюдения врача над своим пациентом (поскольку он болен и он врач) и как размышления мудреца, осмысляющего свой жизненный путь. Но с той же ясностью, с которой он видит истинный характер и тяжесть своего заболевания, он видит и то, что скрывается за внешним благополучием. Ничто не принесло безусловного результата, истинного удовлетворения, ничто не дает надежды, ничто не указывает на смысл пройденного пути:

“У меня есть ученики и слушатели, но нет помощников и наследников, и потому я люблю их и умиляюсь, но не горжусь ими”...

“У меня такое чувство, как будто когда-то я жил дома с настоящей семьей, а теперь обедаю в гостях у не настоящей жены и вижу не настоящую Лизу. Произошла в обеих резкая перемена, я прозевал тот долгий процесс, по которому эта перемена совершалась, и немудрено, что я ничего не понимаю. Отчего произошла перемена? Не знаю”...

“Обыкновенно после обеда, перед вечером, мое нервное возбуждение достигает своего высшего градуса. Я начинаю без причины плакать и прячу голову под подушку. В это время я боюсь, чтобы кто-нибудь не вошел, боюсь внезапно умереть, стыжусь своих слез, и в общем получается в душе нечто нестерпимое”...

«Покрыто ли небо тучами или сияют на нем луна и звезды, я всякий раз, возвращаясь, гляжу на него и думаю о том, что скоро меня возьмет смерть. Казалось бы, в это время мысли мои должны быть глубоки, как небо, ярки, поразительны... Но нет! Я думаю о себе самом, о жене, Лизе, Гнеккере, о студентах, вообще о людях; думаю нехорошо, мелко, хитрю перед самим собой, и в это время мое мирозерцание может быть выражено словами, которые знаменитый Аракчеев сказал в одном из своих

интимных писем: “Все хорошее в свете не может быть без дурного, и всегда более худого, чем хорошего”. То есть все гадко, не для чего жить, а те 62 года, которые уже прожиты, следует считать пропащими...

Дергая у своей двери за звонок и потом идя вверх по лестнице, я чувствую, что у меня уже нет семьи и нет желания вернуть ее. Ясно, что новые, аракчеевские мысли сидят во мне не случайно и не временно, а владеют всем моим существом. С большой совестью, унылый, ленивый, едва двигая членами, точно во мне прибавилась тысяча пудов весу, я ложусь в постель и скоро засыпаю» (<http://lib.rus.ec/b/10676/read>).

Итак, разочарование в жизни постигает каждого, и каждое человеческое действие приносит не тот результат, которого ждали. И рано или поздно с каждым мыслящим человеком случается то же, что с учителем словесности Никитиным: “...под утро он уже смеялся над своею нервностью и называл себя бабой, но для него уже было ясно, что покой потерян, вероятно, навсегда и что в двухэтажном нештукатуренном доме счастье для него уже невозможно. Он догадывался, что иллюзия иссякла и уже началась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем” (<http://ilibrary.ru/text/1159/p.2/index.html>). В период испытаний и невзгод, когда все ускользает из рук, у человека остается лишь одна последняя ставка: следование нравственному долгу. Возможно, это принесет удовлетворение и покой? Возможно, в этом выход и спасение?

Однако повесть “Дуэль” разбивает и эту последнюю надежду. Ее главный герой – легкомысленный человек с претензией на интеллигентность и неординарность, готовый по малодушию совершить подлость (тайком бросить на произвол судьбы зависимую от него женщину), неожиданно, оказавшись реально перед угрозой смерти, переосмысливает свои поступки, свои ценности и начинает новую жизнь в соответствии с требованиями долга и совести. Читатель уже ждет хеппи-энда, просветленной, жизнеутверждающей концовки, катарсиса. И катарсис наступает, но совершенно иной. Против всех ожиданий “возрождение” Лаевского к честной, ответственной и нравственной жизни выглядит совсем не так, как должно бы было. С одной стороны, Лаевский действительно полностью переродился: “Да, сильно он скрутил себя, его свадьба, эта целодневная работа из-за куска хлеба, какое-то новое выражение на его лице и даже его походка – все это до такой степени необыкновенно, что я и не знаю, как назвать это”, – поражаются свидетели происшедшего. Однако фон Корен, антипод главного героя, спровоцировавший и приветствовавший поначалу это перерождение, разочарован и растерян. Прощаясь с Лаевским и его женой, он видит не просветленных, окрыленных людей, а несчастных каторжных, навсегда прикованных к галерам безрадостной, тяжелой жизни: “Как они однако, оба жалки! – подумал фон Корен. – Недешево достается им эта жизнь... Победители орлами смотрят, а он жалок, робок, забит, кланяется, как китайский болванчик, а мне... мне грустно” (<http://www.klassika.ru/read.html?proza/chehov/duel.txt&page=0>).

Так разбивается последняя надежда человека обрести смысл и покой в жизненных бурях. “Метафизическая тоска”, связанная с внезапно открывшейся объективной бессмысленностью и хаотичностью жизни, достигает у Чехова апогея вследствие абсолютной и бескомпромиссной честности разума, отвергающего любые иллюзии, даже те, что испокон веков смягчали горечь утрат. Но парадоксальным образом, достигнув “болевого порога”, тоска переходит в нечто иное – *мужество быть*, несмотря на горечь разочарования и недостижимость счастья.

Сартр позже пришел к выводу, что “именно в тоске человек осознает свою свободу”, что приятие и удерживание тоски необходимо для осознания бытия как горькой истины, для формирования решимости и мужества (цит. по [Соловьев, 1974, с. 237–238]). Однако думается, что не тоска сама по себе, а безграничная, абсолютная *честность разума*, побочным следствием которой является разрушение иллюзий, давала силу быть и действовать человеку в условиях неантропоморфной реальности. Счастливого неведение скота на тучном пастбище закончилось. Как писал Чехов: “...иллюзия иссякла и уже началась новая, нервная, *сознательная* жизнь, которая не в ладу с

покоем и личным счастьем...” (курсив наш. – Е.П., Е.П.) (<http://ilibraty.ru/text/1159/p.2/index.html>). А что же взамен? Что именно было так высоко оплачено? Взамен “счастливого неведения” человек получил возможность вести “*сознательную жизнь*” и делать *осознанный* и *ответственный выбор*. Эта способность к выбору, быть может, определила впоследствии стоицизм участников Сопrotивления, мужество борющихся с фашизмом и нонконформизм противостоящих культу личности, твердость всех тех, кто сохранял и суверенность личности и духовную независимость, несмотря на тотальный террор и тотальную ложь псевдоспасительных идеологий XX в.

Но и XXI в. оказался не проще. Формирование глобального мирового пространства привело к глобальным же антиномиям. Теперь любая проблема приобретает глобальные масштабы: экологические проблемы принимают форму планетарной катастрофы с таянием арктических льдов и критическим повышением уровня мирового океана, экономические ошибки отдельно взятой страны ввергают в мировой финансовый кризис всех, активность группировки экстремистов развивается в глобальную террористическую деятельность, и т.д. При этом каждая проблема становится неразрешимой дилеммой – антиномией: как преодолеть экологический кризис, не разрушив систему производства и потребления, составляющую экономическую основу современного общества; как покончить с терроризмом, не ограничивая права и свободы личности; как защитить подрастающее поколение от информации, наносящей вред нравственному и психическому здоровью личности, и сохранить свободу печати и т.д. и т.п.?

Способность видеть обе стороны антиномии и принимать ответственные решения, воплощая их в действие, востребована как никогда и, возможно, от степени личной ответственности каждого будет зависеть разрешение острых проблем настоящего и ближайшего будущего. Чтобы отвести угрозу необратимого изменения климата, например, необходимо к 2020 г. сократить выбросы углекислого газа, как минимум, в четыре раза. Но насколько современный человек, считающий личный комфорт главным завоеванием цивилизации и частью своих неотъемлемых прав, готов в самоограничении, которого может потребовать выполнение этих условий? Насколько современный человек вообще готов к “сознательной жизни”?

И часто возникает ощущение, что именно “сознательной жизни”, необходимости личного выбора и ответственных действий больше всего боится современный человек, избегая трезвой оценки реальности, поддаваясь все новым иллюзиям. Может, об этом одна из притч Соломоновых: “Многие хвалят человека за милосердие, но правдивого человека кто находит?” (Прит. 20, 6). Ищут милосердных, но кто ищет честных? Правду трудно выдержать и трудно найти. Но именно правда – тот трамплин, с которого мысль может взлететь к вершинам *осознания*, а может и рухнуть в страхе, снова погрузившись в “болезненный и мутный сон, какие снятся при гриппе” [Пелевин, 2000^а, с. 234].

Абсолютная честность разума, вскрывающего антиномии жизни, составляет главный и уникальный смысл “послания” Чехова к современникам и потомкам. Это и есть транцензус⁵ – трамплин, который создает для человека возможность самотранцендирования, выхода за пределы своих горестей и надежд в те сферы бытия, где антиномии не только раскрываются осознанию, но и *разрешаются*.

Сюжет для небольшого рассказа, бегло обрисованный Чеховым в письме к Суворину, о “молодом человеке, сыне крепостного, бывшем лавочнике, гимназисте и студенте, воспитанном на чинопочитании”, который, проснувшись однажды, почувствовал в себе кровь свободного человека, – представлял собой опыт самотранцендирования⁶ (преодоления собственных границ) самого Чехова. Результатом стал тот недостижимый идеал русского интеллигента, что навсегда связан с именем писателя. Чехов вырвался из рамок, установленных его сословием, не обладая ни деньгами, ни связями, ни влиятельными родственниками, за счет внутренней работы и страстного желания

⁵ От лат. *trancensus* – подъем, восхождение.

⁶ О концепции “самотранцендирующей личности” см. [Frankl, 1959].

свободы. Еще более жестокое испытание выпало ему, когда, уже будучи знаменитым писателем, обладая высоким мастерством, возможностями, обаянием, авторитетом и влиянием, он понял, что дни его сочтены. Но мучительно осознавая ограниченность своего времени и сил, он продолжал работать врачом, считая это, а не литературу, главной своей обязанностью.

Чехов не пытался, подобно другим представителям интеллигенции, обольщаться и поддерживать себя благостными картинками народной жизни и народной мудрости. Достаточно вспомнить беспросветный быт людей простого сословия, лишения, голод, неразвитость чувств, жесткость человеческих отношений, представленные им в рассказах о народной жизни (“Мужики”, “Ванька”, “Спать хочется” и др.). Поехав на Сахалин – место каторжной ссылки осужденных, Чехов знал, что встретится с еще более ужасными картинками. Свою самоотверженную, изматывающую деятельность на Сахалине он охарактеризовал впоследствии весьма скромно: “Эту работу, произведенную в три месяца одним человеком, в сущности, нельзя назвать переписью; результаты ее не могут отличаться точностью и полнотой, но, за неимением более серьезных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры” (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Чехов>).

Впечатления, полученные им в путешествии, были самыми тяжелыми: “Я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти”, – писал Чехов в своих путевых заметках. На острове он посещал крестьянские хутора, угольные рудники, лечебницы, даже пытался по мере возможности вести прием амбулаторных больных, записывал разговоры с мужчинами, женщинами и детьми всех социальных статусов и национальностей. Работы для свободных людей на острове практически не было, труд каторжных был выгоднее. Основное население жило в крайней нищете и постоянном голоде. В больницах не было ни инструментов, ни лекарств. В школах отсутствовали даже скамейки, занятия вели ссыльные, часто не имевшие никакой специальной подготовки.

По возвращении Чехов собирает пожертвования для организации на Сахалине детских приютов, школ, больниц и библиотек, готовит книгу о своей поездке. В ней он заявляет, что для успешного освоения этой окраины необходимо ликвидировать здесь каторгу. 3 мая 1891 г. пароход “Кострома” доставил на Сахалин первую чеховскую посылку – семь больших ящиков, в которых было упаковано 3500 экземпляров книг, учебников, школьных программ (<http://lit.lseptember.ru/articlef.php?ID=200402806>). В апреле 1906 г. под напором общественного мнения сахалинская каторга была отменена.

В сентябре 1995 г. благодаря энтузиазму сахалинской общественности в Южно-Сахалинске появился городской литературно-художественный музей книги Чехова “Остров Сахалин”. Все 10 тысяч опросных карт, заполненных респондентами Чехова во время его путешествия, были опубликованы на Сахалине в 2005 г. в специальном издании под названием “Быть может пригодятся и мои цифры...”

Жизнь вошла в нормальную колею, человеческая жизнь обрела цену и достоинство. Есть ли в этом заслуга Чехова или это произошло само собой, подчиняясь естественному ходу вещей? Думается, разгадка в том, что нормальный “ход вещей” (по крайней мере в том, что касается эволюции человека и общества) обусловлен способностью личности к самотрансцендированию и без него (самотрансцендирования) просто невозможен.

Чехов не надеялся на скорый результат, или какой-либо результат вообще. Он знал, что результат обыкновенно не соответствует ожиданиям. Но надеялся и ясно чувствовал, как и герой одного из самых светлых его рассказов “Студент”, что “правда и красота... всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле”, что “прош- лое связано с настоящим непрерывною цепью событий” и достаточно дотронуться до одного конца, “как дрогнет другой”. Обратим внимание, что связь, описанная Чехо- вым, протянулась через века, она превосходит рамки отдельной человеческой жизни и, значит, увидеть ее можно, только выйдя за пределы своего существования. Всецело

погруженный в решение насущных проблем, озабоченный достижением успеха, счастья, достатка, – человек, как правило, не в силах постичь смысл своей жизни. Даже достигнув поставленных целей, он вдруг понимает, что хотел чего-то большего или совсем не того, и чувствует себя обманутым.

Только сознание нелинейной связи времен, немеркнувшего значения “правды и красоты”, определяющих в конечном итоге ход человеческой жизни, дает ощущение смысла и счастья, как то, которое охватило юного студента духовной академии, почувствовавшего глубинную связь текущей реальности с событиями Священной истории: “Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух... и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только двадцать два года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла” (http://lib.ru/LITRA/CHENOW/r_student.txt).

К сожалению, молодость и сила проходят, и перед человеком, как перед Чеховым, во всем грозном величии встает главная антиномия человеческого существования: ограниченность времени жизни и нелокальность человеческой личности, стремящейся к вечному и безусловному смыслу. Чехов как врач и отличный диагност (по свидетельству биографов), хорошо понимавший характер своей болезни, столкнулся с этой антиномией лицом к лицу в расцвете творческих и жизненных сил. Возможно, он первый осознал трагедию жизни как антиномию, непримиримость и неизбежность ее противоречий и смело взглянул в глаза реальности. И эта смелость, и эта честность превратили вечную антиномию жизни в трансцензус для него и многих его почитателей, нашедших решение антиномии в том, чтобы следовать “правде и красоте” как истинным двигателям человеческого существования.

И жизнь, и произведения Чехова, и его деятельность врача, и работа переписчиком навсегда “вплелись” в ту нелокальную связь времен, что обуславливает прогресс человеческого разума и эволюцию общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Гродская Н.С., Паперный З.С., Полоцкая Э.А., Твердохлебова И.Ю., Чудаков А.П.* Примечания // *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т.; Соч. В 18 т. Т. 12. Пьесы. 1889–1891. М., 1978.
- Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
- Медведева И.А.* Причина и следствие // Новейший философский словарь (http://www.filosofiya.ru/word/prichina_i_sledstvie.htm).
- Пелевин В.* Проблема верволка в Средней полосе // *Пелевин В.* Желтая стрела. М., 2000^а.
- Пелевин В.* Чапаев и пустота. М., 2000^б.
- Пронин Е.И., Пронина Е.Е.* Предтеча мультимедиа (феномен В. Высоцкого и новейшие информационные технологии) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2.
- Пронина Е.Е.* Психология журналистского творчества. М., 2003.
- Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова. М., 2008.
- Соловьев Э.Ю.* Экзистенциализм // Буржуазная философия XX века. М., 1974.
- Степин В.С.* О философских основаниях синергетики (<http://spkurdyumov.narod.ru/Stepin.V.Sem./htm>).
- Frankl V.* From Death-camp to Existentialism. New York, 1959.
- Sartre J.-P.* L'imagination. Paris, 1936.